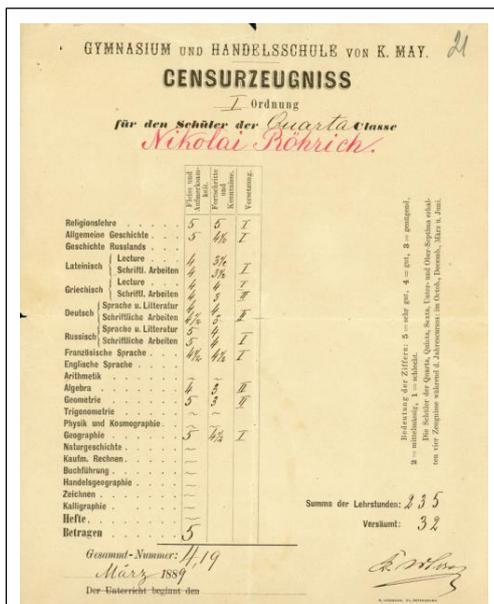

1889 г.

Школьный табель 21 (ОР ГТГ, ф. 44/1, л. 21)

Гимназия и реальное училище К. Мая
Оценки ученика I ступени четвёртого класса **Николая Рериха**
за Март 1889 г.

	(прилежание)	(знание)	(ступень)
Закон Божий	5	5	I
Всеобщая история	5	4 ½	I
История России	-	-	
Латинский яз.	4	3 ½	I
Греческий яз.	4	4	I
Немецкий яз.	4	4	II
Русский яз.	5	4	I
Французский язык	4 ½	4 ½	
Английский язык	-	-	
Арифметика	-	-	
Алгебра	4	3	II
Геометрия	5	3	II
Тригонометрия	-	-	
Физика и Космография	-	-	
География	5	4 ½	I
Естественная история	-	-	
Коммерческие расчёты	-	-	
Бухгалтерия	-	-	
Экономическая география	-	-	
Рисование	-	-	
Тетради	-	-	
Прилежание	5		
Средний балл:	4,19		

Занятия начнутся

ОХОТА

Уже со школьных лет обнаружались всякие лёгочные неполадки. Затем они перешли в тягостные долгие бронхиты, в ползучие пневмонии, и эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью мы возвращались из Извары в Питерские болота, так сейчас же начинались нескончаемые простуды, и уберечься от них было почти невозможно. Наконец, после третьего класса гимназии домашний доктор серьёзно призадумался и решил радикальный исход. «Нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет». По счастью, этот врачебный совет был исполнен. В это время управляющим в Изваре был Михайло Иванович Соколов, почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу. Открылась совершенно новая страница радости. На лыжах ходили за лисицами, «тропили» рысей, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги - много увлекательных радостей. А уже когда настанет весна с глухариными и тетеревиными токами и с тягою вальдшнепов, тут уже всякие простуды должны уйти. Потом и без ружья можно бы провести ночь в лесу или на лыжах пробираться по сугробам. Но вначале, особенно же под руководством занятого Михайло Ивановича, вся обстановка охотничья казалась какою-то сказкою.

Убийственная часть этого занятия скоро отпала, просто сама собой отмерла, стала несовместимой. Но впечатления весенних ночей и восходов, гомон птичьего базара, длинные хождения по зимним лесам - все это навсегда вносит особый склад жизни. Недаром охотничьи команды являются самыми зоркими и подвижными воинскими частями - они больше соприкасаются с природою.

Бывало, мы уходили в лес на несколько дней. Не однажды подолгу плутали. В это время уезды, смежные с Псковскою областью, были очень лесисты. Так, один раз мы проплутали к самой станции Дивенской. Это блуждание по разнородному лесу, по обширным моховым болотам с опасными бездонными «окнищами» потом долго вспоминалось. Местный проводник в каждой опушке и роще признавал давно знакомые места, но, приближаясь, мы оказывались где-то очень далеко от дома. Но никто не сетовал, и новые впечатления лесного царства навсегда отразились. Курганы - летом, охота - зимою и весною дали настоящие радости.

[1937 г.]

ЛЕСНЫЕ ОТГОЛОСКИ

НАБРОСКИ ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ЛЕТА 1889 Г.
(ОР ГТГ, ф. 44/90.)

Н.К. Рерих. Старик в лодке. 1890.

НА ОЗЕРЕ.

Этюд Н.К. Рериха

Чуть шумит ветер. Полная луна высоко уже поднялась над лесом. Деревья точно чёрные великаны стоят и только изредка покачивают макушками, любуясь на звёзды. И правда, глядя на них, есть на что залюбоваться. На тёмном небе сверкают тысячи звёзд. Одни светят ровно, если всмотреться в них, кажется, будто они пристально глядят на землю, точно за жизнью следят; другие то вспыхнут, то потухнут, как лампы.

Среди звёзд тихо плывет луна - каким грустным взглядом смотрит на землю. Ярко блестит она на небе, но ещё более ярко отражается она в волнах сонного озера. Хочет успокоиться озеро - а неугомонный ветер, то и дело, налетает и поднимает лёгкие волны.

Только около высокого берега, куда не проникает ветер, вода совсем спокойна и стоит в берегах, будто свинец расплавленный; страшно становится, как заглянешь в глубину. Там совсем черно, словно у озера и дна нет. Попро-

буйте посмотрите долго в эту пучину; она прикует на себе ваш взгляд, потянет к себе, так что трудно бывает оторвать глаза от этой мрачной поверхности. По середине озера бегут лёгкие волны, по ветру набегают они на противоположный берег. Волна, что жизнь человека. Бежит туда - куда гонит ветер; может быть, и хотела свернуть с этой дороги, остановиться, да нет, не даёт он ей. Так же и человек. Перед волной утёс, налетит на него, зашумит, словно рассердится и разобьётся на тысячи брызг, словно поседеет она, покрывшись пеной. Но утёс остался позади, и волна бежит дальше, пены как не бывало, спокойно движется эта водяная глыба.

Не так бывает с человеком. Налетела жизнь на утёс - и, как волна, рассыпалась брызгами, - да уж потом не соединиться этим брызгам - разбита жизнь. Волна побелеет, поседеет от пены, но пена исчезает потом - поседеет человек, и никогда не исчезнет седина. А волны на озере всё бегут. Набегут на тростник, и закивает он своими макушками, будто перешептывается между собой; набегут они на борт лодки и с шумом ударят об него; весло их так не рассекает; маленькие водовороты остаются на поверхности после удара весла. Лодка тихо движется вперёд. Все молчат в ней - подавленные величием нот. Кругом тишина - всё спит. Только иной раз пронесётся непонятный ночной звук; стонет ли это дерево надломленное непогодой или кричит птица какая-нибудь - никто не знает, отчего происходят эти ночные звуки. Про то знает лишь лесная чаща, но она молчала, а заговорить может заставить только ветер, когда налетит он на деревья и под его могучими порывами зашелестят-заговорят ветки, словно струны под умелой рукою. Утка выскочит перед лодкой - и долго слышится свист от взмахов крыльев. Но вёсла делают своё дело; уж близко и пристань. Тихо пристаёт лодка. Луна провожает вас долгим задумчивым взглядом...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/90, л. 14.

Н.К. Рерих. Двое в лодке. [1889-1890].

15 Марта 1889 года

II ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Мы сговорились, чтобы идти на охоту после завтрака, но к несчастью к означенному времени пошёл сильный дождь, переставший только к четырём часам. После дождя зашёл за нами Михайло, и мы, одевшись получше, забрали охотничьи припасы и двинулись в путь. Я, за неимением охотничьих сапог, одел какие-то старые. С каждого куста лились на нас потоки воды, земля, превратившаяся в жёлтую массу, была очень скользкая и мы шли по валу около канавы, так что боялись, чтобы не свалиться туда.

Наконец, мы дошли до лесу, собака начала искать, что было очень трудно, так как ей чутьё заливало. Ноги вязли во мху, но, несмотря на промокшую одежду, было очень жарко... После получасовых поисков собака стала, мы обступили это место и постепенно суживали круг. Вдруг от меня в шагах десяти вылетела большая тетерка, раздались 3 выстрела, но по причине частого леса, ни одна дробинка не достигла своей цели, и так мы, проходим ещё около 1 ½ часа, пошли домой. По дороге Михайло предложил зайти на озеро, от которого было не очень далеко, мы пошли. У меня в сапоги набралась вода, и поэтому было очень трудно идти. Только что мы подошли к озеру, как собака выгнала уток, и сейчас же одна из них упала, убитая Михаилом, другая была ранена, но улетела.

Михайло пошёл по одному берегу, а мы по другому. Утки влетали часто и некоторые падали под нашими выстрелами. Наконец, у Михайло не хватило пистон, а у меня ружьё так вымокло, что давало ежеминутно осечки, а у дяди вышли все патроны, - так что нужно было вернуться домой, но Михайло нашёл лодку и переехал к нам; я ему дал пистон, он мне вытер оружие.

И мы ещё пошли, а дядя за неимением патронов вернулся домой, мы искали, искали - нет, нету ничего, наконец, на наше счастье, вылетела утка, ну мы выстрелили, нет летит, только глядим: у неё одна нога висит. Михайло говорит: «непременно упадёт» - и вправду утка упала, ну, мы её и наискались же. В самый уж лес залетела, после этого мы пошли домой. Страшно вымокли, когда я снял сапоги, так целая лужа натекла, да всё насквозь промокло.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87. Л. 35.

[1889 г.]

ГЛУХАРИНЫЙ ТОК

Холодно в лесу ночью ранней весной. Так и пронизывает ночной ветер. Луна туманом закуталась – видно, непогода будет. Словно тяжело вздыхает лес по временам под порывами ветра. Нехотя шелестят сосны и ели.

Пробираетесь на глухариный ток. Приходится идти всё по хвойному лесу, ведь глухари обыкновенно токуют среди мохового болота на хвойных деревьях, и только уж в крайнем случае садятся на осину.

Вот и ток. Выберете теперь удобное место около дерева и ожидайте глухаря. Жутко становится, как посмотрите вокруг. Сквозь ветви дерева мелькают

звёздочки — луна ещё, должно быть, не зашла, или уже это небо светлеть начинает. Только как присмотритесь, ясно различаете верхушки леса, а если посмотрите сразу вниз, так ещё мрачнее кажется, - на тёмно-сером фоне какие-то чёрные пятна разбросаны; ни за что и не узнаете, что перед вами - ствол дерева; а направо - вон та чёрная масса, будто зверь не зверь - камень не камень - это бурелом; сосна свалилась, и во все стороны, как тысячи рук, протянулись ветки. Если прислушаться, что-то будто шумит всё время, должно быть, вода с окрестного болота стекает в ложбинку.

Стоять скучно - надоел этот бесконечный шум леса и воды. Наконец-то просыпаются птицы. Где-то высоко, высоко, будто под самым небом, заржал бекас, вот ниже, ниже, уж над самой верхушкой дерева звенит, потом опять подымается и замирает чуть слышной трелью. Желна задолбит дерево и вдруг, точно хохотом залился, будто леший пугает сбившегося с дороги путника. Вот кукушка выпорхнула и начала своим мерным голосом кому-то отсчитывать года. В кусту затрещал подьорешек... Кто-то завозился на развесистых сучьях сосны... Уж не глухарь ли? – Нет, ему рано, ещё только затрещала белая куропатка на ближнем болоте.

Небо заметно светлеет; звёздочки, точно метлой кто-нибудь сметает, так и пропадают они в далёком эфире. Одна сторона небосклона уже приняла лиловатый оттенок. Что же глухарь не поёт?

Скоро запели дрозды и ещё какие-то мелкие пташки. Зачирикала синичка, кувыркаясь на гибкой веточке. По лесу пронёсся пронзительный вой и замолк в далёкой чаще - это рысь вскочила и отправилась на добычу.

В лесу становится шумно. Ещё внимательнее прислушиваетесь к каждому новому звуку и, наконец, недалеко различаете пощёлкивание и шорох - это запел глухарь. Начинается охота, из-за которой пришли сюда, несмотря на холод и слякоть.

Во время песни глухарь закрывает глаза и ничего не слышит. Но песня коротка, так что едва успеваешь сделать 3 прыжка. Замолкает глухарь – останавливается и охотник, ожидая, пока глухарю вздумается опять запеть. Беда, если между песнями хрустнет ледок под ногой или ветка сломается – немедленно глухарь улетит.

Вот вы благополучно добрались до глухаря... Выстрел... Комом валится глухарь с ветки на ветку. Теперь надо из лесу домой выбираться. Ещё рано. Пожалуй, и 3-х часов нет. Птицы все проснулись. На опушке, или где-нибудь на сухой лядине токует-заливается тетерев. Из густой еловой рощи порой доносится лай совы. Журавли проснулись и кричат над болотом. Мелкие птички так и перепархивают над головою, и каждая спешит пропеть свою (незатейливую) утреннюю песню. Иногда в мочеvine закрывает селезень, увиваясь около своей утки...

Небо всё светлеет. Восток покраснел. Все облачка разукрасились розовым бордюром. Скоро солнце блеснёт из-за леса. Проходит несколько мгновений - и по лесу раздаётся посвистывание и хрипение, недалеко от вас среди голых сучьев проносится предвестник восхода - вальдшнеп...

Выходите на опушку - и навстречу вам вырывается ослепительный пучок солнечных лучей. Все облака отливают разными цветами.

Взгляните вон на то облачко, что над солнечным лучом; оно было лиловатое, потом стало розовое, словно пурпуром затем подёрнулось и, наконец, блеснуло золотом, когда солнце показалось из-за леса.

Птицы прервали свои песни; тетерев притаился за кочкой и пережидает восход, чтобы опять затоковать; только за лесом курлыкают журавли и голоса их, как трубы, разносятся в свежем воздухе. Солнце выплывает из-за леса, ярко отражается в воде, разноцветными искрами отливается оно в чистых каплях росы. Всё блестит на солнце, лишь в тени, будто крадучись, скрывается мороз, забеливший на ночь траву и затянувший лужи тонкой корочкой льда.

Недалеко и дом. Становится теплее. Всё весело, жизнерадостно. С наслаждением тянете в себя воздух. Что это за воздух бывает весною... и не рассказать. Не знаю, чем только не пахнет; берёзовыми и сосновыми почками, мхом, осенними листьями, корой, да Бог знает, что не пахнет весною; сама земля и гнилые листья испускают аромат, не уступающий любым духам...

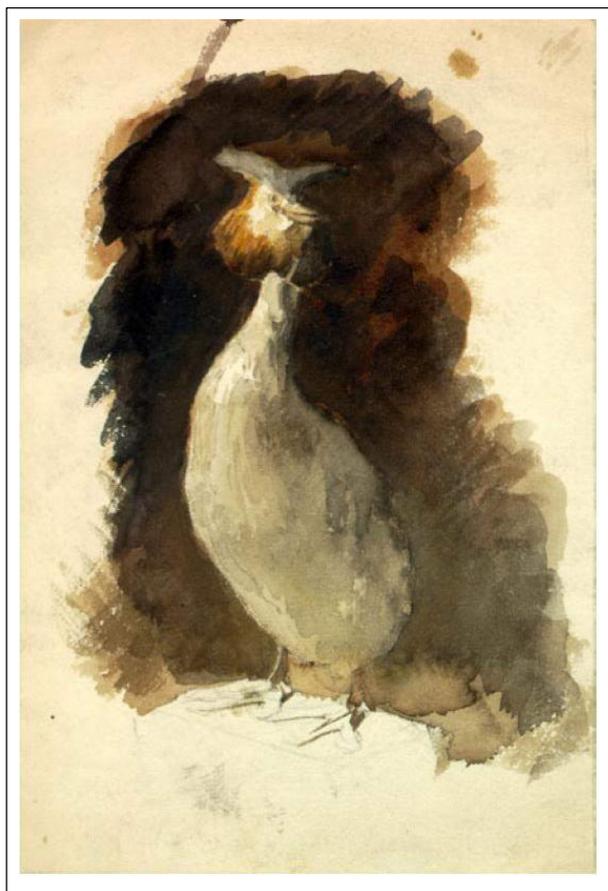
Господи, сколько перечувствуешь на току; не возразить, не передать ни пером, ни кистью впечатления, которые оставляют эти охоты. А ведь есть же люди - не только не признающие охоты, как удовольствие, но ещё даже насмеются над...

Нет, лучше брошу... не высказать мне того, что хочется. Выражений нет...

Н. К. Рерих

Из записок в деревне.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/90, лл. 21, 21 об., 22, 22 об.

Н.К. Рерих. Чучело глухаря. 1890-е.

Н.К. Рерих. Глухое озеро. 1893 - 1895.

Н.К. Рерих. Лесник Михаил Иванович Соколов. 1893 - 1895.

4 Апреля 1889 года.

ЛЕСНИК МИХАЙЛО

I

"Михайло, когда же пойдём на тетеревей", - спрашивал я каждый день нашего лесника. "А вот подождите, я думаю, сегодня будет время; я, кстати, и выводочек приискал".

Пока наступит время идти, я познакомлю читателей с этою охотою: охотник отправляется с собакою, большею частью во мхи, собака начинает искать, вдруг делает стойку, тут охотнику нужно подойти с ружьем на прицеле, тетерева вылетают, и следует выстрел. Если вылетят молодые тетерева, то охотник может заключить, что поблизости есть ещё матка и следует ещё искать в этих краях.

Часа через два Михайло, со всеми охотничьими принадлежностями, зашёл за мной. Я тоже снаряжился, и мы отправились по дороге. Михайло большею частью завязывает разговор: "Знаете что, Николай Константинович", - говорит он - "я раз тут понедалёку рысь убил; иду - это я себе на уток к озеру, по лесу, вдруг вижу, стоит большой рысь, а у меня в ружьё, это самое, 6-той номер дробь-то, я сгоряча выстрелил и всадил ему весь заряд в зад, ну, он-то ко мне, я - вторым стволом, да промахнулся, рысь-то за мною, ну, ружья заряжать некогда, это самое, я на поле бегом, поле-то не так далеко было. Ну, выбежал я на поле, а рысь-то до опушки добежал, остановился, да и щёлкает зубами, на поле-то, вить, боится идти, ну у меня-то случился 1-ый номер дробь-то, это самое, я в него и выпалил, да так удачно, так он у меня, это самое, и упал.

Постойте, никак собака-то стала; так и есть, ну заходите-ка слева, а я-то справа, только тихонько. Собака вправду стояла. Мы тихонько подошли, Михайло крикнул "пиль" и в ту же минуту из травы вылетели четыре молодые тетерева. Михайло и я выстрелили и его тетерев упал, а я промахнулся, Михайло даже и ещё раз успел выстрелить и свалил ещё одного тетерева.

"Так" - сказал он, подбирая убитых тетеревей, - "значит, это самое, два есть, теперь давайте матку искать, тоже поблизости, наверное, находится". Пока мы её искали, он, к слову, рассказал мне ещё другой случай из своей жизни, как он раз ходил за тетеревами с другим лесником, Иваном. Ходили они целый день, как-есть, ничего не нашли, измучались совсем, вдруг собака начала скакать, Иван-то видит, что Михайло идёт за собакой говорит: "Нет уж брат, если хочешь, иди, а я-то устал, здесь прилягу, ведь всё равно ничего не найдешь. "Ну как знать; говорит Михайло и пошёл, а тетерева-то тут и были, так он их 6 штук убил.

"Матки уж видно нам не найти", - сказал Михайло по окончании своего рассказа, - "а, впрочем, собака-то ищет, и сильно ищет, пойдём-ка поближе".

Собака ещё раз стала, у небольшого болотца, но вместо тетерки вылетела утка. Михайло выстрелил, но ружьё дало осечку, и утка благополучно улетела.

"Нет, тут уж нам, это самое ничего не найти; пойдёмте-ка лучше на Глухое, тут версты полторы, не больше", - пригласил Михайло. (Глухим называется у него озеро, которое кругом окружено лесом; дно в нём чрезвычайно вязкое и глубокое).

Н.К. Рерих. Бекас. [1893 - 1895].

"Ну-что ж! пойдём, мне всё равно" - согласился я. Пришли мы на Глухое, там как раз по самой середине утки сидят, штук этак 15, ни с одного берега их не достанешь.

"Ну", - говорит Михайло, - "это самое, вы здесь подождите, да, кстати, возьмите собаку-то за ошейник, чтоб, это самое, уток до времени не спугала, а я зайду с другого берега и спугну их, а вы тогда спустите собаку и стреляйте по ним, они и начнут кружиться; тут их и стрелять, это самое, можно".

Ну, зашёл он с другого берега, спугнул уток, они прямо на меня и полетели; я убил одну, утки испугались и опять к Михайлу летят, он тоже одну уложил; итак, мы три штуки уток убили.

"Ну, теперь довольно, пойдёмте-ка домой, уж седьмой час" - сказал мне Михайло, мы пошли домой.

Теперь я опишу вам Михайлу: представьте вы себе человека, лет 37-и, небольшого, даже маленького роста, белорукого, сильно рябоватого, в коричневой, очень засаленной куртке и таких же брюках, заправленных в длинные охотничьи сапоги. Характера был он мягкого, доброго, но при случае страшно кипятился, кричал, но сейчас же всё забывал и прощал всякому. У него было 3 ружья хорошей системы и все охотничьи принадлежности. Уж и любил же он охоту, кажется, если дома дела нету, так и домой не пойдёт. С ним было весело охотиться, потому что охотился он с жаром, а не нехотя, собака была у него прекрасная - сеттер, звали его "Бекас", тёмно-рыжей шерсти, добрый, умный; уж и любил он своего хозяина, просто за хозяином куда хочет, а с другими ни за что не пойдёт.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/4. л.л. 16-17.

IV. ЛУЧЕНИЕ РЫБЫ.

В конце июля ночи уже достаточно темны для того, чтобы лучить (Лучить называется ловить рыбу ночью острогой, и на лодке разводят большой огонь, чтобы можно было колоть). Мы и сговорились с Михаилом, (он также и страстный рыбак), чтобы ехать лучить. Он приготовил нам жаровню, чтобы развести огонь, и мы около 10 ½ часов отправились. Темень была страшная, а огня мы не догадались взять с собой, так, что несколько раз подряд попадали в лужи. Добрались так мы до лодки, а уж там Михайло огонь разводит. Острог у нас было всего две, и мне поручили управлять лодкой, что требует большой осторожности, чтобы ехать совершенно тихо. Наконец, запылал большой огонь, мы сели и отчалили.

Огнём освещалась только небольшая часть берега, все предметы принимали самые фантастические очертания, хорошо знакомые берега казались совершенно другими, деревья, освещаемые по временам, представлялись в виде каких-то великанов.

Мы въехали в траву, которая, шурша, раздвигалась перед нами; воды почти совсем не было видно, и надо было иметь большой навык, чтобы по движению травы распознать, куда плывёт рыба, и не видя её [оторван угол листа] <попасть> в неё острогой. Михайло на первых же порах заколол одну небольшую щуку, а дядя почти каждый раз промахивался.

В нашем озере рыба живёт большею частью траве, и на чистом месте редко встречается; на чистом же месте бить её ночью весьма легко, так как, *если подъехать тихо*, рыба спит и стоит неподвижно, но нужно знать глубину, чтобы ударить под известным углом, а то острога только скользнёт по рыбе, или нанесёте самую незначительную рану.

Михайло ещё издали увидел большую форель, стоящую на чистом месте, мы тихо подъехали к ней, и Михайло ударил, но нанёс небольшую рану, и когда поднимал её на лодку, форель вырвалась и уплыла, а рыба была большая фунтов в семь, в восемь. Вскоре мы встретили ещё щуку, фунта два и закололи её; дядя в самую шею попал, еле её из остроги выдернули, чуть голову не оторвали.

Около одиннадцати с половиною началась зарница; картина была величественная, ночь темна, хоть глаз выколи, и тут небо как будто раскрывается; потом зарница сделалась очень сильна, то там, то тут разверзлось небо. Это очень напоминало стихотворение "Ночь" «Зарница» Тютчева*).

Часто утки испуганные нашим приближением, с шумом поднимались, и со свистом носились над нашими головами, спускаясь на прежнее место после нашего удаления. Михайло начал досадовать, отчего он не взял с собой ружья, (он обладал удивительною способностью стрелять в темноте, я и конца ствола не вижу, а он стреляет и, большею частью, без промаха, нужно заметить, что он стреляет с левой стороны; правым глазом он плохо видит).

Мы подъехали к развалинам старой каменной мельницы, обвалившиеся стены представлялись вроде какой-то крепости или замка, и, как бы человек не был знаком с этими местами, он его ни за что бы не узнал бы.

Михайло посоветовал вернуться домой. Поехали по траве, ещё встретили пять или шесть рыб, но только двух удалось заколоть.

Зарница перестала, топлива у нас уже было мало и огонёк был довольно маленький, от перехода, от большого света мрак ещё более сгустился и освещалось про-

странство не более $2\frac{1}{2}$ аршин перед носом лодки. Мы подвигались тихо вперед из опасения наехать на мель или на камень, которых в нашем озере порядочно.

Начал накрапывать дождь, положение было не особенно приятное; сложили мы остроги, взяли шесты и изо всех сил начали работать из боязни, что дождь затушит огонь; к счастью, мы скоро приехали - привязали лодку, взяли одну горящую головню и пошли, но пошедший сильнее дождь вскоре загасил огонь, и мы остались среди мрака. Михайло повёл нас, наткнулись раза два на деревья, на камни, и всё-таки сравнительно счастливо добрались домой, решили, что больше лучить не стоит, лучше на закате поехать половить. (При солнечном закате рыба как-то притихает и успокаивается).

Михайло осведомился, пойдёт ли завтра Стефан Карлович, приезжий из города охотник, на охоту и поедем ли мы с ним; решил с общего совета пойти на Глухое за утками, и на луга за вальдшнепами и дупелями. Самое лучшее время идти от 7 до 8 часов утра. Мы и решили, что Михайло зайдёт за нами, $7\frac{1}{2}$ часов, и мы отправимся. «Так, прощайте» - сказал Михайло и вскоре крикнул из общего мрака: "До завтра".

Мы порядочно-таки вымокли и устали, и через полчаса уже спали крепким сном.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/90, лл. 15, 15 об; 16, 16 об.

*) Стихи Ф. Тютчева «Ночное небо так угрюмо» - (ред.)

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте

Ф. Тютчев

9 Мая 1889 г.

ВЕЧЕРОМ НА УТОК

Раз в июле, когда вечера уже порядочно тёмные, Михайло начал меня и одного знакомого звать на охоту, говоря, что, мол, теперь вечером, утки прилетают на ночлег и тут их легко стрелять. Мы послушались и пошли.

Переехав на лодке на другой берег озера, Михайло поставил нас по разным пунктам, а сам пошёл выгонять уток.

Уже смеркалось, около моего номера был камень, я сел на него, и, держа ружьё наготове, начал выжидать уток. Правда, Михайло в скором времени выгнал штук 6 уток и убил одну. Я тоже выстрелил, не рассчитав, что утки слишком далеки, и, понятно, не убил. Утки же спустились у самого номера знакомого, в шагах десяти от него, он мог бы сейчас убить одну, но ему захотелось две зараз; он пошевелинулся, утки заметили и улетели.

Скоро уже совсем стемнело, а Михайло точно сквозь землю провалился, и не слышно его, не видно. Утки, хотя и летали, но их не было видно, и стрелять нельзя было. Только по свисту можно было судить, куда и откуда они летали.

На другом берегу озера, блеснули зараз два огонька, и послышался гром дублета. (Дублет - это выстрел из двустволки, произведённый один после другого.)

Затем опять всё стихло, только по временам слышалось тихое кваканье, или крик запоздалой вороны. Кругом залетали летучие мыши, испуская по временам пронзительные звуки; на озере поднялся туман и окутал всё белым пологом.

В ближнем лесу, как маленький ребёнок, закричала сова. Мне страшно надоело ждать, и я почти ощупью пошёл к номеру знакомого. На полдороги я встретил его, так как он, соскучившись ждать, пошёл к моему номеру.

Ну, думал, надо идти домой; только пошли, вдруг слышим - близко крикает утка. Знакомый и говорит: "Пойдёмте туда, может и убьём, а то не хочется с пустыми руками домой ворочаться".

"Ну, пойдёмте", - согласился я.

Пошли, подошли совсем вплотную, а утка всё не летит. Знакомый уже в то место стрелять хотел, да я удержал... Вдруг вместо утки встаёт Михайло из травы, и говорит: "Тут, господа, настоящая утка в траве сидит, сейчас вылетит, дайте-ка мне ваше ружьё", - обратился он ко мне, - "а то я боюсь, что моё отсырело и, пожалуй, осечку даст".

В то время вылетела утка, я и конца ствола не видел, а Михайло выстрелил - и утка упала. Потом оказалось, что это не утка, а Михайло кричал. "Ну теперь, само, того, пойдёмте домой", - сказал Михайло и, еле отыскавши в темноте лодку, мы отправились домой.

На поверку оказалось, что Михайло убил 3 уток, а мы ни одной.

Когда мы садились в лодку раздалось лёгкое посвистыванье; Михайло объяснил нам, что это закричал кроншнеп и рассказал, как он раз сидел в палатке на току (на тетеревов) и только они петь начали, вдруг летит кроншнеп, он выстрелил, и кроншнеп, пролетев немного прямо, упал в палатку ему на колени. И тут же не забыл похвастаться, что он тогда двух тетеревов убил одним выстрелом. Я предложил пойти на кроншнепов в Грызлово, но Михайло

отклонил мое предложение, сказав, что кроншнеп лукав больно, и надо быть охотнику и охотнику, чтобы убить его.

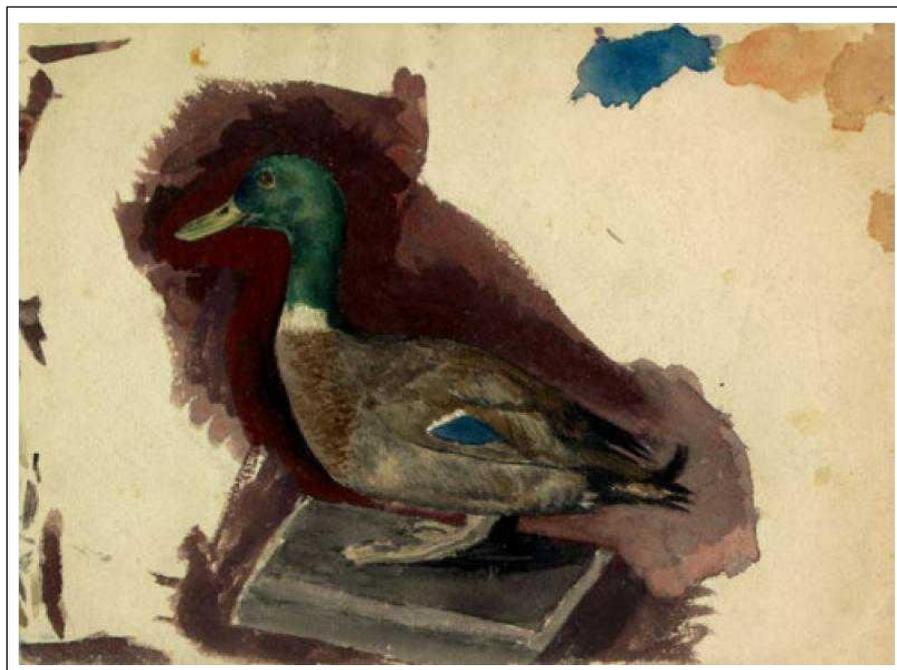
В то время мы приехали на другой берег озера, и, распрощавшись, пошли каждый в свою сторону. После этой охоты ружья страшно заржавели от сырости и пришлось их долго промывать; в таких случаях их лучше всего пропитать нашатырным спиртом.

Уток, самое удобное, бить вечером при закате солнца, от 7 часов до 10 и 11 (если светлая ночь), потому что они тогда слетаются на ночлег, и не такие проворные, как в остальное время дня; остаётся предполагать, что они, вероятно, сонные.

Для начинающего охотника лучше всего бить их в начале июля, потому что тогда они глупые, молодые и не боятся никого, кроме ворон и ястребов. К молодым уткам мне случалось подкрадываться шагов на 15, а раз мне случилось напасть на целое стадо молодых, которые были под предводительством трёх старых уток. Когда старые улетели под моими выстрелами, то молодые испугались, бросились к берегу в шагах 20 от меня и прижались там, так что я мог стрелять любую из них. Но мне их стало жалко и я ушёл, а они, оправившись от страха, улетели.

На другой день Михайло зашёл за мной, чтобы вместе со мною идти на дуплей, но мы тогда ничего не убили, а я услышал много новых рассказов Михайлы, про его охотничьи похождения, и с некоторыми из них я познакомлю читателей в следующем рассказе.

Отдел рукописей ГТГ. 44/4. Л. 11-12.

Николай Рерих. Чучело селезня. 1890-е

Николай Рерих. Голова собаки. 1890-е.

«НОРМА»

«И какой я охотник» думалось мне, даже и собаки-то нет порядочной, есть Перунка, да разве это собака, это какая-то пародия на собаку, носится, не слушается, птиц пугает, чутья никакого. Так сетовал я...

Но вот моё желание исполнилось: у меня теперь есть собака, собака как раз такая, о которой я мечтал; обладателем таких собак я завидовал. Случилось это всё так. Иду я раз по деревне с Михаилом, вдруг из-за дома казённого лесника выбегает какая-то заморённая собачонка - кожа да кости, просто безобразие. Михайло остановил моё внимание на ней словами: «вот знатная собака». Я принял эти слова за иронию, но оказалось, что Михайло говорит эти слова совершенно серьёзно. Я стал приглядываться к собаке и еле под грязью и худобью признал признаки <марковских> легавых. Сейчас же во мне зародилось желание сделаться обладателем этой собаки; тем более что я видел, что она совсем погибает. Я высказал своё предположение Михаилу и он обещал переговорить на эту тему с [хозяином]

С первых слов разговора лесник сам предложил купить у него собаку и попросил за неё всего куль хлеба, т.е. так как мы на мызе продавали по 8 р. куль ржи. 8 рублей, - не много и объяснил, что эта собака породистая он с трудом достал её для охоты, а вот теперь не только её кормить, так семью кормить нечем, также сказал он, что зовут её «Седра». Собака была куплена и уже на обратном пути решили, что Седра имя чисто мещанское и что собаку необходимо назвать иначе. Думали, мы думали, и нарекли её Нормой. Я, собственно, поглядывая на выдающиеся ребра и на худобу собаки, отчасти сомневался в её достоинствах, но Михайло рассеивал мои сомнения, уверяя меня, что собака будет первостепенная и обещался выучить её. И действительно, Норма выправилась в 2 недели, так что просто узнать нельзя было, стала красивой и породистой моркловкою. Ума была замечательного, чутья необыкновенного. Попала после деревенского грубого обращения под наши заботы и попечение, она страшно привязалась к нам.

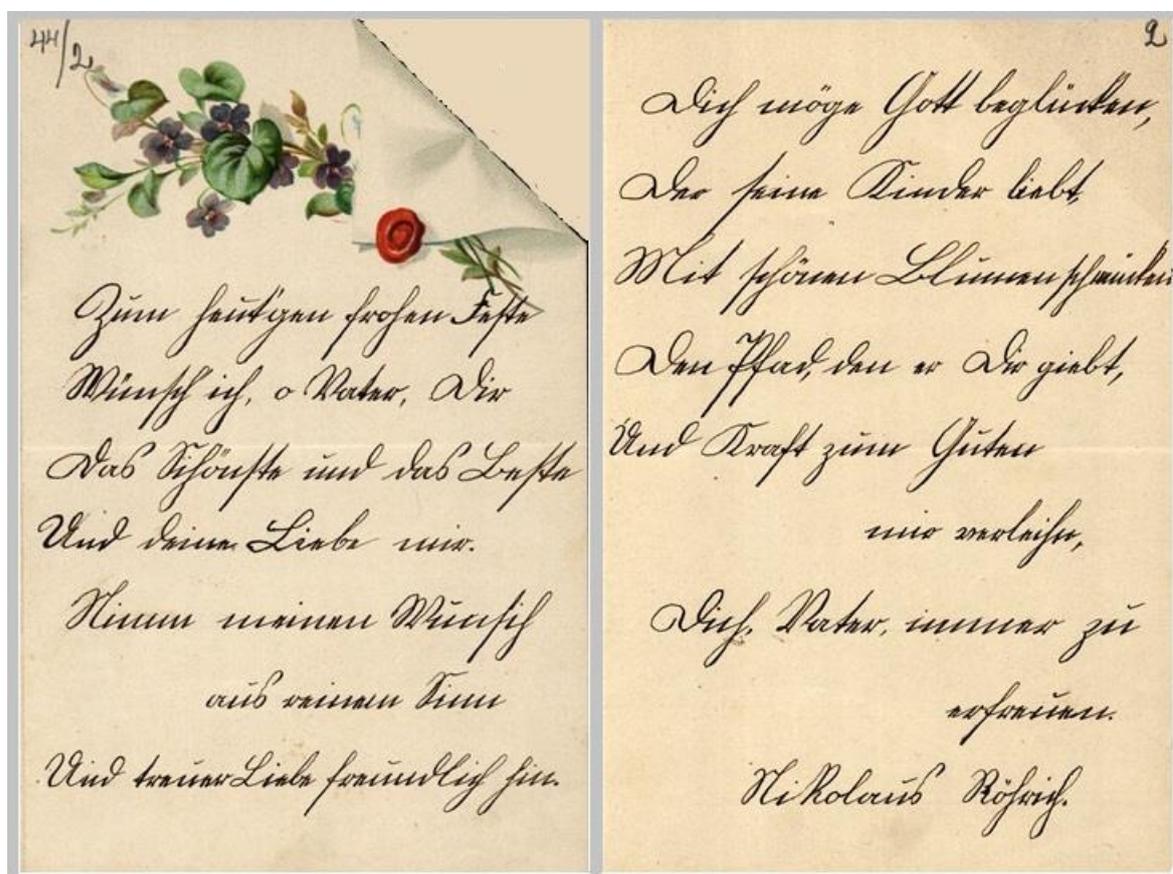
Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/90, л. 52.

1 ИЮЛЯ - ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА ФЁДОРОВИЧА РЕРИХА
(род. 1 Июля 1837 г.)

Николай Рерих. Цветы. 1889 г.

Поздравление Николая Рериха ко Дню рождения Отца (на немецком языке)

Zum heutigen frohen Feste
Wünsch' ich, o Vater, Dir
Das Schönste und das Beste
Und deine Liebe mir.

Nimm meinen Wunsch
und meinen Sinn
Und treue Liebe freundlich hin.

Dich möge Gott beglücken,
Der seine Kinder liebt,
Mit schönen Blumen schmücken
Den Pfad, den er Dir giebt,
Und Kraft zum Güten
mir verleihen,
Dich, Vater, immer zu
erfreuen.

Nikolaus Röhrig.

Dich möge Gott beglücken,
Der seine Kinder liebt,
Mit schönen Blumen schmücken
Den Pfad, den er Dir giebt,
Und Kraft zum Güten
mir verleihen,

Dich, Vater, immer zu
erfreuen.

Nikolaus Röhrig.

К сегодняшнему радостному Празднику
Желаю, Тебе, Отец,
Всё самое прекрасное и лучшее
и Твою любовь ко мне.

Прими мои пожелания
и мои выражения
преданной любви к Тебе.

Пусть Бог принесёт Тебе счастье,
ведь Он любит всех своих детей;
Прекрасными цветами пусть украсит
Твой путь, предначертанный;
И силы даст мне
всегда радовать Тебя.

Николай Рёрих

[Перевод с немецкого яз. Турчинского Ф.Ф.]